

В силу обынновенных семейных отношений жизнь позволила мне длительное время находиться рядом с поэтом Александром Андреевичем Прокофьевым. Причем нас связывало не столько родство (я женат на его дочери), сколько дружеское взаимопонимание, и которому он щедро располагал всех окружающих его людей. Наверное, поначалу каждый из нас мечтал при любых обстоятельствах жить отдельно. Слишком много было у меня и нервотрепки, и всяческих перемещений: война, блокада — от первого до последнего дня в Ленинграде, срочная служба на флоте, училище, снова море. Но судьба распорядилась по-своему. Началась все с семейной привычки. Месяца через два-три после замужества их дочери Алек-

сандр Андреевич и его жена Анастасия Васильевна, оставшись вдвоем, почувствовали вдруг себя как-то неутоно. Наверное, это шло от привычного домашнего уклада, от потребности в человеческой взаимопомощи. Но так или иначе моей жене все чаще и чаще приходилось находиться в пути между двумя домами. Позднее на дом Прокофьева обрушилось несчастье — тяжело заболела Анастасия Васильевна, и помощь дочери стала крайне необходимой. Закончилось дело тем, что моя семья «времененно», «на пару недель» переехала в дом Александра Андреевича. Как потом оказалось — навсегда.

Поэтому утверждать, что нас свели «нерасторжимые узы творчества» или «высокое взаимопонимание», я не могу.

Свела жизнь. Но именно это и позволило мне трезво, на первых порах даже несколько отчужденно, взглянуть на все. В том числе на домашнюю обстановку, на взаимоотношения поэта с окружающими его людьми литературы, на поэзию Александра Прокофьева, которую, сознавая, до поры до времени я знал весьма слабо.

Все это дало мне возможность начать писать воспоминания, фрагмент из которых, посвященный встречам А. А. Прокофьева с М. В. Исаковским, я и предлагаю вниманию читателей «Литературной России».

АВТОР

ЛЕНИНГРАД

Александр НЕСТЕРОВ

КЛЕН В ЧЕСТЬ ИСАКОВСКОГО

Вспоминаю, как первый раз я увидел Исаковского. Утром Александр Андреевич сказал мне, что приезжает Михаил Исаковский и что он погостит у нас пару дней. Он очень любит природу, и, наверное, здорово было бы показать ему Комарово. К тому же у него со здоровьем не ахти. «Ты прямо к работам поезжай на дачу, — добавил он, — а мы попозднее вечером тоже подъедем туда».

Вот так мы и познакомились с Михаилом Васильевичем, и с его женой Антониной Ивановной. Но и перед этим я знал немало такого, из чего для меня заранее вырисовывался образ Исаковского. Это прежде всего его песни, которые звучали по всей стране; стихи, которые я любил еще в школе; его книги и книги о нем; но главным было все-таки то, что слышал от Александра Андреевича. Это не только дополняло, но и развивало мое читательское представление.

Взлетит петух на самый гребень крыши, Да так поет, что слышит весь район.

— Читаю эти строки, — говорил Александр Андреевич, — и всегда удивляюсь — как все просто, прозрачно. Иногда даже сомнения одолевает. Но вот попробую сделать так, как у него, и все летит к чертовой бабушке, в тартарары — столько лишних слов появляется. Столько ненужных объяснений. А тут... И Прокофьев читает:

Мы сидим вдвоем с тобой. Дом заснул. Огонь потух... Только ветры за стеною Разговаривают вслух.

И сразу же добавляет: — Впрочем, это хорошо в свое время объяснил А. Блок: поэты интересны тем, что они отличаются друг от друга, а не тем, в чем они подобны друг другу.

Потом начинает вполголоса напевать «Катюшу» и сам же разводит руками: как, мол, это можно вложить в три-четыре строфы колоссальный сюжет... Любовь, служба в армии, ожидание, долг перед страной, верность друг другу через верность своей земле.

Вот другое:

Возвращаться позже всех Нате неприятно, Только ноги, как на грех, Не идут обратно.

«А ведь это огромная гамма переживаний влюбленного человека. Быт и нравы деревенские, а не торода. И всего-то десяток

слов, но все предельно ясно, все на русском языке.

Возьмем «Враги сожгли родную хату...», «Летят перелетные птицы», «Одинокую гармонию». Что и говорить, он как никто умел соединять песенную душу русского человека, его природную поэтичность с современной лаконичной речью. Вот откуда такая высокая простота и понятность, близкая к исконно русскому языку — образному и выразительному».

Прокофьев на минуту умолкает, и в глазах его зажигается веселье, потом он продолжает:

— А ведь знаешь, ему, как и мне в свое время, помог Максим Горький, как говорится, дал «путевку в жизнь»: тепло, заботливо и строго умел он поддерживать тех, кто начинал. Вот необыкновенный был человек! И для каждого находил свое слово. Он мне, правда, основательно «намылил холку» за редактуру книги И. Молчанова «Крестьянин». Но уже после Первого съезда писателей в числе других пригласил к себе на дачу. Встретил меня в дверях: «Простите великодушно, за глаза ругать вроде бы и ничего, а в глаза — прямо скажу, совесть». Примерно так высказался он, окая и округляя фразы. Я смотрел на него не отрываясь. Горький, живой Горький говорит мне это. Попытался было что-то пролепетать, но он обнял меня и повел к столу.

Вот и Исаковский тоже: он всегда кому-то помогает, у него всегда полно народу, чаще всего колхозники-земляки со Смоленщины. Разговоры идут часами. Я иногда намекал ему, что он много тратит времени, да и здоровье у него уже не то. Но он оставался непоколебим. Он мне всегда напоминает нашего учителя Степана Ивановича Смирнова в Кабонской школе: необыкновенно душевный и добрый человек был. Мы от него оторваться не могли. И любой вопрос он, бывало, так тебе раскроет, что вроде бы ты его знал сам.

— Но, — продолжает Александр Андреевич говорить об Исаковском, — в этом мягком, душевном, интеллигентном человеке есть какая-то уважительная сила. Насколько я помню, при Исаковском никогда не бывает скандалов. Говорит он всегда мягко, спокойно, с какой-то теплотой и верой, с какой-то уважительной убедительностью. И все его слушают, при нем всегда все ровно, все спокойно. Уж на что горяч бывает Таардовский, иногда разоидется так, что ах-

А. А. ПРОКОФЬЕВ, А. И. ИСАКОВСКАЯ, М. В. ИСАКОВСКИЙ, А. В. ПРОКОФЬЕВА.

нет кулаком по столу. Но при Исаковском я этого никогда не замечал.

На дачу Исаковские приехали поздно. Сначала мы устроились на веранде, но потом поняли, что тесновато, да и Михаил Васильевич все тянулся к саду. Вышли, дошли до стола под тентом, где Александр Андреевич любил, уединившись, работать. Место понравилось. Быстро накрыли стол, расставили скамейки. И полилась удивительная, всех захватившая беседа, с каким-то таинственным значением каждого слова, с сердечностью.

Вот тут уже я, набравшись храбрости, попросил Исаковского прочесть что-нибудь из его стихов. Он как-то легко и спокойно это принял. Михаил Васильевич будто заглянул в глубь себя и сосредоточился, а затем с доверительной интонацией стал читать. Он читал с небольшими перерывами одно стихотворение за другим; читал, не спрашивая, нравится ли; читал, не выясняя, какое еще стихотворение надо прочесть; читал не менее часа. Была тишина, даже листья не шевелились на деревьях. Но вот он остановился, сказал: «Дайте отдохнуть, чайку выпить, а потом споём немного». И только тогда все задвигались, стали благодарить Михаила Васильевича.

И вдруг зазвучали слова — «Лучше нету того цветущего...». Это Александр Андреевич запел хрипловатым негромким голосом. Все сначала ошеломленно оглянулись вокруг себя — на бушующее кружево цветущих яблонь, на свисающие, как парашюты, купола сирени, на пронизывающий их, будто отлитый из хрусталя воздух, а потом заворожено подхватили припев. И одна за другой звучали сначала песни Исаковского, на стихи которого композиторы умудрялись написать музыку прежде, чем читатели успевали прочитать их в журнале; потом, по почину Михаила Васильевича, — песни Прокофьева; затем старые русские, а за ними украинские и белорусские...

Потом началось вызывающее восторг соревнование: «А вот эту ты слышал когда-нибудь?» или «А вот теперь послушай, что мне запомнилось в Белоруссии». И это делало вечер необычным, напоминающим тургеневский рассказ о певцах.

Александр Андреевич сказал Исаковскому, что был настолько

потрясен его стихотворением «Враги сожгли родную хату...», что сам подобрал к нему музыку. И он пропел:

Сойдутся вновь друзья, подружки, Но не сойдись воены нам... И пил солдат из медной кружки Вино с печалью пополам.

Как раз в это время Анастасия Васильевна, жена Прокофьева, принесла свои знаменитые пироги, которые были сделаны специально к приезду Михаила Васильевича. Когда они вдвоем с женой Исаковского хозяйничали за столом, то Антонина Ивановна вдруг спросила: «Который же сейчас час, мы уже столько времени здесь сидим, а все не темнеет». Михаил Васильевич спохватился: «Да ведь начались же, наверное, белые ночи! Как же это мы забыли! Нет, этого пропустить нельзя». Тут была затронута любимая струна Прокофьева: он стал рассказывать про белые ночи в Ленинграде, про то, какие они бывают на Ладоге, где можно увидеть, как «одна звезда сменить другую спешит, дав ночи полчаса». «Нет ничего прекраснее белых ночей на озере, — говорил он, — где вода как бы становится зеркалом небес; и это не только на Ладоге, но и здесь, в Комарове, на Щучьем и на Красавице. Это же чудо из чудес». Его поддержал Михаил Васильевич, напомнив, что еще в Ленинграде они договорились не упустить возможность и полюбоваться этой волшебной красотой. Прокофьев вскочил: «Так в чем же дело? Да, мы обязательно это увидим! Мы просто сейчас поедем туда! Этого нельзя пропустить...»

Потом Исаковские рассказывали о поездке как о событии, которое сохранится у них в памяти на всю жизнь. Михаил Васильевич говорил, что это волшебная сказка Севера и о ней можно судить только в одном случае: если сам видел ее от начала до конца. «Пушкин был тысячу раз прав, он заглянул в глаза природе». Александр Андреевич тут же вспомнил, что это явление удивительно точно описал в своих стихах Гнедич. Прокофьев стал неизустно воспроизводить белые стихи — необычные, громоздкие, величественные, как петровские каравеллы. «Как было бы прекрасно, если бы они сейчас вошли в Неву и пошли к стрелке Васильевского острова, спуская паруса и са-

лютая!» Он закончил свою мысль стихами Гнедича:

Тогда над Невой И над пыльным Петрополем видят Без сумрака вечер и быстрые ночи без тени... А потом прочитал Вяземского: Я Петербург люблю, с его красотою стройной, С блестящим поясом роскошных островов... И перешел к Пушкину, к «Медному всаднику».

Через два дня Исаковские уехали. Александр Андреевич ходил по дому рассеянный и грустный.

«Удивительно светлый человек, — говорил он, — все в нем пронизано каким-то нежным первозданным отблеском совести и сердечности. Он с каждым человеком разговаривает так, будто в руках птенца держит, боится нечаянно причинить боль. И стихи его несут этот отблеск сердечной нежности. Поэтому они так естественно ложатся на музыку, находят отклик у каждого, располагают к откровенности. Они будят в человеке особый душевный настрой, зовут его к открытости:

Ты признайся — кого тебе надо, Ты скажи, гармонист молодой.

А как все это неожиданно возникает вдруг в его фронтовых стихах:

С берез, неслышен, невесом, Слетает желтый лист.

Или: И пока за туманами Видеть мог паренек, На окошке на дежичьем Все горел огонек.

Фронтовые стихи Исаковского, созданные на их основе песни еще раз подтвердили, насколько необходимы были они народу в трудные дни войны.

Иногда поворот мысли Александра Андреевича был неожиданным и парадоксальным, особенно если его задевали какая-то тема, какой-то новый поворот в событиях.

Узнав, что со зрением у Михаила Васильевича становится все хуже, Прокофьев стал выяснять, чем бы можно помочь: звонил друзьям, в медицинские учреждения, занимающиеся глазными болезнями. Потом как-то сказал мне: «Саша, подсоби ка мне в одном деле. Мне рассказали, что глазные операции отлично делают в Медицинской академии. Может, ты там кого знаешь? Ты же моряк! А мы с тобой потом к ним съездим и поговорим насчет Исаковского». Я ответил, что мне нетрудно связаться с Медицинской академией, только думаю, что Исаковскому в Москве это не понадобится. «Нет, нет, — возразил Александр Андреевич, — давай, что можем, сделаем — это дело святое — он мой друг». Мы попробовали, но все обошлось без нас.

Таким Прокофьев был всегда: беспокойным, трогательным и наивно-настойчивым, когда старался помочь человеку. Его человеческой доброжелательности можно было только позавидовать. Но, увы, этим не всегда отличались те из молодых, кому он столько помогал. Я как-то сказал об этом.

Александр Андреевич посмотрел на меня грустно: «Да, брат, нервные мы с тобой люди. А вот когда я был у Исаковских, понял, что у него и чуткости много, и нервам он разгуляться не дает. Ведь у него постоянная связь с молодыми и их книгами, и сотни писем со всего света, и журналы, и гости-земляки. Ну, просто двери не закрываются. И всегда он ровный, доброжелательный. Взглянешь на него — и самому лучше стать хочется... Поглядись —

глазам не верится: Вдаль на целую версту — То ли белая метелица, То ль сады стоят в цвету.

...А знаешь, мы давно не были в Комарове! Давай завтра съездим. Сходим на разведку в лес. Найдем кленок повеселее да и посадим его в честь Михаила Васильевича».

Клен мы посадили. ЛЕНИНГРАД